

На правах рукописи

ЕФРЕМОВА Валентина Николаевна

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность:

23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата политических наук

Москва 2015

Диссертация выполнена в Отделе политической науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук» (ИНИОН РАН).

Научный руководитель: доктор философских наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»
Малинова Ольга Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
Соловьев Александр Иванович

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии ФГОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова»
Титов Виктор Валерьевич

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

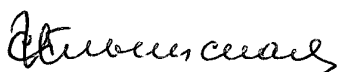
Защита состоится «21» апреля 2015 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д.002.015.05 при ФГБУН «Институт философии Российской академии наук» по адресу: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

канд. полит. наук, доцент

С.Г. Ильинская

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Праздник как коллективная форма деятельности во все времена отражал глубокие изменения в ценностных ориентирах общества.

Конструирование и поддержание коллективной идентичности, легитимация существующего порядка, планирование будущего – часть функций, которые способны выполнять праздники. Утверждая в качестве нерабочего дня годовщину того или иного исторического события, властвующая элита продвигает определенное видение реальности, которое она считает необходимым для общества в данный момент. При смене политического режима обычно резко меняются ориентиры внутренней и внешней политики, однако не всегда это ведет к отказу от символического наследия предыдущего периода¹. Изучая государственные праздники переходных и трансформирующихся обществ, можно узнать, как менялись ценностные ориентиры, каким образом происходила конкуренция идей и осуществлялся исторически значимый выбор направлений развития.

Российский случай дает интересный материал для анализа политических функций праздников, поскольку социальные и политические трансформации, последовавшие за распадом СССР, повлекли за собой фундаментальные изменения систем ценностей и смыслов. Советские праздники не были отменены, однако их пришлось адаптировать к новым реалиям. Очевидно, что отрицание советской идеологии побуждало к поиску новых смыслов и нарративов праздников, которые могли бы лечь в основу пересмотра генеалогии российского государства. Изучая российские праздники, мы можем проследить, как формировались идеологические основания нового демократического режима, а также выявить конкуренцию в сфере производства идей.

Потребность в осмыслении символического потенциала государственных праздников в России обуславливает актуальность внимания к практикам их использования властью и другими политическими акторами. Исследование государственных праздников позволяет, во-первых, зафиксировать особенности конструирования национальной идентичности и легитимации политического режима, что способствует лучшему пониманию политических, социальных и культурных изменений в обществе. Во вторых – определить, какие политические силы участвуют в конкуренции за интерпретацию политической реальности, какие альтернативные символы и смыслы используются в поле символического производства.

Научная проблема настоящего исследования определяется потребностью в изучении государственных праздников не только как элементов традиции и культурной памяти, но и как инструментов символической политики. Альтернативные смыслы и символы, используемые политическими акторами,

¹См., например: Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 351-352.

нередко выражают социально-политические проблемы и потребности общества, а, следовательно, выступают маркерами общественных изменений. В связи с этим важно определить, какие функции выполняют государственные праздники в качестве инструментов символической политики в современной России, какие идеи и смыслы государственных праздников могут составить конкуренцию официальным, т.е. проанализировать особенности дискурсов, символов, нарративов, ритуалов и других элементов государственных праздников, используемых разными политическими акторами в политической борьбе за власть и ее удержание.

Основной исследовательский вопрос диссертации можно сформулировать следующим образом: Как государственные праздники используются в символической политике современного российского государства и других политических акторов?

Степень научной разработанности проблемы. Непосредственно теме данного диссертационного исследования посвящено не так много публикаций. Однако существует ряд работ, освещающих отдельные аспекты изучаемого предмета. Это позволяет опираться на уже накопленный опыт при изучении практических аспектов использования праздников в российском контексте.

Изучение и осмысление феномена праздника широко представлено в культурологических работах (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.В. Бенифанд, Д.С. Лихачева, А.И. Мазаев, Я. Ассман, М. Литвинова, О. Орлов, С.С. Аверинцев, В.Н. Топоров² и др.). Огромный вклад в исследование традиционных праздников и календарных ритуалов внес советский ученый филолог-фольклорист В.Я. Пропп³. А.Ф. Некрылова в книге «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII–начало XX века»⁴ анализирует русские народные праздники и их трансформацию. В рамках социальной антропологии феномен праздника изучали В. Тэрнер, Л.А. Абрамян⁵, в рамках социологии – Э. Дюркгейм, О.В. Калачева⁶. К проблеме

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства, (XVIII-начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПБ, 2011; Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986; Лихачев Д.С. Смех в древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3-х т. Л.: Худож. литература, 1987. Т.2. С. 343-418; Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004; Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2003; Орлов О.Л. Праздничная культура России. СПб., 2001; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004; Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Наука, 1980. Т. 2. С.329.

³Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2009.

⁴Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII–начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004.

⁵Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. В.А. Бейлис и автор предисл. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983; Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1983; Абрамян Л.А., Шагоян Г.А. Динамика праздника: структура, антиструктура, гиперструктура // Этнографическое обозрение. М., 2002. № 2. С. 37-47; Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991: праздник, не успевший развернуться // Этнографическое обозрение. М., 1992. № 3. С. 47–58.

⁶ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995; Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России

праздника в той или иной мере обращались философы Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, К. Леви-Стросс, М. Мосс, М. Фуко, Й. Хейзинга, А. Банфи⁷ и др. Изучение социально-философских аспектов праздника представлено в относительно недавних работах П.С. Гуревича, М.С. Кагана, Н.Л. Юдина⁸. Кроме того, отдельно стоит отметить работы И.Н. Лавриковой⁹, в которых она осуществляет попытки моделирования праздника в политико-идеологической сфере. Указанные исследования формируют категориальный аппарат, на который могут опираться исследования, классифицируют основные виды праздников. Вместе с тем большинство авторов обращают внимание на отдельные аспекты праздников и их эволюцию, не уделяя должного внимания использованию их в политических целях.

В отечественной политической науке теоретические вопросы изучения политической культуры, частью которой являются праздники, а также связанные с ними ритуалы и церемонии, стали сферой исследования А.И. Соловьева¹⁰.

Ценный вклад в разработку проблематики диссертационного исследования внесли авторы, занимавшиеся исследованиями исторической памяти и использования прошлого в политике. В качестве классической работы, анализирующей различного рода практики (в том числе международные и национальные праздники), которые кажутся старыми и укорененными, но по сути таковыми не являются, по праву считается книга под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретенные традиции»¹¹. Тему политики памяти в России в 2000-х годах изучали В.А. Ачкасов, Н.Е. Копосов, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, В. Морозов, А. Сенявский, Е. Сенявская, Б.И. Торбаков, Т. Шерлок¹² и др. Предметами их исследований стали причинно-следственные

советского и постсоветского периодов) : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / НИУ ВШЭ. М., 2003.

⁷Батай Ж. Запрет и трансгрессия / Пер. с фр. Е. Герасимовой. 2003. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm>; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000; Леви-Стросс К. Мифологии: в 3 т. М.: Университетская книга. Т. 3: Происхождение застольных обычаев; Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послес. и коммент. А.Б. Гофмана. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002; Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992; Банфи А. Философия искусства / Предисл. К. М. Долгова; Пер. с итал. Г.П. Смирнова. М.; Искусство, 1989.

⁸ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981; Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997; Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника. М.: Независимый ин-т гражданского общества, 2006; Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2006.

⁹Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. Челябинск, 2011. № 2 (217), Вып. 20. С. 74–78; Лаврикова И.Н. Политический праздник в системе культуры: Науч. монография. 2-е изд., доп. Тверь, 2013; Лаврикова И.Н. Сфера праздничного – зона идеологического // Свободная мысль. М., 2012. № 3-4. С. 187-194.

¹⁰См., например: Соловьев А.И. Политическое сознание и политическая культура. М.: Знание, 1991; Соловьев А.И. Культура власти современного российского общества. М., 1992.

¹¹ *The invention of tradition* / Ed. by Hobsbawm E. and Ranger T. Cambridge: Cambridge univ. press, 1983.

¹² Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011; Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012; Миллер А.И. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. М., 2009. №3-4, май - август. С. 6-23; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. М., 2013; Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и

связи, оценки событий, практики использования истории отдельными политическими силами в современной России.

Для понимания общих закономерностей становления государственных праздников представляют интерес работы, посвященные особенностям современной российской идентичности. Следует признать существенный вклад пермской научной школы (Л.А. Фадеевой, П.В. Панова, К.А. Сулимова и др.¹³) и, в частности, Экспертной сети по исследованию идентичности (<http://identityworld.ru/index/0-2>) под руководством И.С. Семененко. Участниками сети были выпущены статьи, сборники, двухтомный словарь терминов¹⁴. Отдельные аспекты формирования национальной идентичности в символическом пространстве раскрыты в статьях В.В. Титова¹⁵.

Важное место занимают исследования, раскрывающие особенности государственных официальных ритуалов и их роль в политической системе и политической культуре советского общества. Сюда можно отнести монографии М. Рольфа, К. Жигульского, В.В. Глебкина, А.И. Щербинина и Г. Бордюгова¹⁶.

эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2013. №1. С. 114-130; Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. М., 2011. Т. 15, № 3/4. С. 106-122; Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 91-125; Torbakov I. History, memory and national identity: understanding the politics of history and memory wars in post-Soviet lands // Demokratizatsiya. Washington, 2011. Vol. 19, № 3. P. 209-232; Сенявский А., Сенявская Е. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО – Университета. М., 2009. Специальный выпуск, август. С. 299-310; Сенявский А., Сенявская Е. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. М., 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121; Шерлок Т. Опыт лакировки истории // Россия в глобальной политике. М., 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Opyt-lakirovkiistorii-15466> (Дата посещения: 10.03.2012.); Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. М., 2012. Вып. 1. С. 126-148; Морозов В. Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // Неприкосновенный запас. М., 2010. № 6. С. 307-320; Морозов В. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛЮ, 2009; Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предис. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Ф. Науманна, АИРО-XX, 2003.

¹³См., например: Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012; Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый Хронограф, 2012.

¹⁴Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. М., 2009. № 6. С. 8-23; Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. Семененко И.С. М.: ИМЭМО РАН, 2008; Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). / Отв. ред.: И. С. Семененко, Л. А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011; Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред.: И. С. Семененко. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2011; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012.

¹⁵Титов В.В. Феномен национальной идентичности: попытка теоретического осмысления и структурного анализа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. Пермь, 2007. Вып. 2. С. 37-48; Титов В.В. Символическое пространство национально-государственной самоидентификации российской молодежи в контексте модернизационных вызовов 21 века // Перспективы развития политической психологии: новые направления. М., 2012. С.215-225; Титов В.В. Эволюция концепций идентичности в социогуманитарном знании 20 века // Вестник МГОУ. М., 2012. №1(47). С. 84 – 92.

¹⁶Рольф М. Указ. соч.; Жигульский К. Праздник и культура. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1985; Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: «Янус-К», 1998; Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация как управление

К ним примыкает статья Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной¹⁷, в которой на примере празднования Октябрьских революций до, во время и после перестройки прослеживается характер политических изменений в обществе.

Научных публикаций, в которых поднимался бы вопрос о значении государственных праздников постсоветского периода в России, не так много. Отдельно стоит выделить книгу К. Смит¹⁸, в которой есть глава, посвященная изменениям российского праздничного календаря периода президентства Б.Н. Ельцина, а также статью А. Зорина о трансформации российских праздников постсоветского периода¹⁹. Стоит отметить зарубежные работы по Дню Победы и его трансформации на постсоветском пространстве²⁰. Ряд отечественных публикаций посвящены анализу празднования Дня Победы в России от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина и Д.А. Медведева²¹. Празднование Дня Победы является одним из сюжетов исследования О.Ю. Малиновой, посвященного эволюции практик прошлого в постсоветской России²². Известны немногочисленные публикации, касающиеся попыток осмысления нового праздника – Дня народного единства (В. Назаров, П.О. Горбачев²³).

Анализ зарубежной научной литературы, посвященной использованию праздников государством на примерах Турции, Туниса, Сингапура, Сирии, странах Балтии²⁴, позволяет уточнить специфику празднования официальных дат в российском контексте.

сознанием: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012; Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010.

¹⁷Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. СПб., 1994. №2. С. 76-99.

¹⁸ Smith K.E. Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. P. 78-101.

¹⁹Zorin A. Are we having fun yet? Russian holidays in the post communist period. 1998. URL: <http://web.stanford.edu/group/Russia20/volume/pdf/zorin.pdf>.

²⁰Kangaspuro M. The Victory day in history politics // Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla. Jyväskylä: Bookwell, 2011. P. 292–304; Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe // European j. of international relations. L., 2009. Vol. 15, N 4. P. 653–680; Onken E.-C. The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analyzing memory politics in Europe // Europe-Asia Studies. Glasgow, 2007. Vol. 59, N 1. P. 23–46.

²¹ Храмов А. Война: Политика памяти. К постановке проблемы // Посев. М.; Frankfurt a. Main, 2010. №4. С.15-21; Громаков А.Ф. Победа во имя мира // Власть. М., 2005. №5. С. 18-21.

²² Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; Ред. колл.: Миллер А.И., гл. ред., и др. М., 2013. Вып. 1. С. 158-186.

²³ Назаров В. Что будем праздновать 4 ноября? // Отечественные записки. М., 2004. №5(20). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/chto-budut-prazdnovat-v-rossii-4-noyabrya-2005-goda>; Назаров В.Д. 4 Ноября. Злоключения одной российской даты // Вокруг света. М., 2005. № 11. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1507/>; Горбачев П.О. День народного единства: Исторические основания // История в подробностях. М., 2010. №5. С. 8-11.

²⁴ Roy S. Seeing a state: National commemorations and public sphere in India and Turkey // Comparative studies in sociology and history. Cambridge; N.Y., 2006. Vol. 48, N 1. P. 200-232; Goh D.P.S. State carnivals and the subvention of multiculturalism in Singapore // British journal of sociology. L., 2011. Vol. 62, N 1. P. 111-133; Weeden L. Ambiguities of domination : politics, rhetoric, and symbols in contemporary Syria. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1999; Kuutma K. Cultural identity, nationalism and changes in singing traditions. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol2/ident.htm>; Plakso M. Dance festival - invented tradition? URL: http://www.estinst.ee/publications/estonianculture/I_MMIV/plakso.html; We. Celebrations. The state: A sociological study of how national holidays are celebrated. Riga, 2008.

Особо следует выделить коллективный труд «Национальные праздники: Конструирование и мобилизация национальной идентичности»²⁵, авторы которого рассматривают использование национальных праздников в качестве инструментов, конструирующих национальную идентичность при смене политического режима. Однако в монографии не раскрываются другие важные функции праздников. Российский случай в данной работе специально не рассматривается.

Мы можем констатировать, что в настоящее время количество политологических исследований, посвященных разработке диссертационной проблематики на материале отдельных праздников, незначительно. Таким образом, несмотря на наличие многочисленных работ о праздниках и праздничной культуре, существует потребность в более систематическом изучении политических функций государственных праздников, в том числе на российском материале.

Объектом настоящего исследования выступают современные российские государственные праздники и связанные с ними политико-символические практики – дискурсы, нарративы, традиции, образы, ритуалы, символы.

Предмет исследования – государственные праздники как инструменты символической политики в контексте социальной и политической трансформации в современной России.

Цель исследования – изучение особенностей интерпретаций и использования государственных праздников в символической политике современной России государством и другими политическими акторами.

Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

- обобщить имеющиеся научные знания и достижения в сфере изучения политико-символических практик;
- рассмотреть теоретические основания концептуализации понятия «государственный праздник»;
- определить место и функции государственных праздников в символической политике;
- разработать модель элементов структуры государственных праздников, которая будет использована для анализа практик празднования;
- определить влияние политико-символического контекста на трансформацию официальной политики в сфере государственных праздников;
- на основе анализа политических дискурсов, посвященных государственным праздникам, выделить и сравнить основные нарративы, образы, символы, смыслы, а также проследить их трансформацию;
- изучить эволюцию и интерпретации праздничных практик различных политических акторов.

Границы исследования. Предмет нашего анализа – праздничные практики официальных представителей государства, парламентских

²⁵ National day's: Constructing and mobilising national identity / Ed. by D. McCrone and G. McPherson. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

политических партий, непосредственно участвующих в процессе учреждения и упразднения государственных праздников, общественных организаций, созданных при парламентских политических партиях для продвижения идей и проектов партий, а также непарламентских политических партий и движений, заявляющих о своем видении политической реальности в дни государственных праздников.

Поскольку деятельность акторов поля символической политики заключается в декларировании и продвижении своих идейно-политических позиций, наиболее значимой представляется активность *общественно-политических объединений, политических партий*, а также собственно представителей *властвующей элиты*. Именно они включены в политическую жизнь общества и стремятся обозначать свои позиции по отношению к государственным праздникам и их идейно-символическому контенту. Используемые партиями и другими политическими акторами дискурсы, образы и символы выступают инструментами достижения тех или иных задач.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2005 года по 2014 год, так как именно с 2005 года вступили в силу поправки в Трудовой кодекс России, внесшие значительные изменения в праздничный календарь. Вместе с тем, для лучшего понимания причин этих изменений в работе ретроспективно освещаются вопросы изменения праздничного календаря в Российской Федерации с 1990-х гг. по 2004 год.

Понятийный аппарат исследования. Теоретическая рамка настоящего исследования задана концепцией *символической политики*. Под «символической политикой» вслед за О.Ю. Малиновой мы понимаем «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»²⁶.

В исследовании также были использованы следующие понятия:

Праздничный календарь – список всех праздничных (не только официальных нерабочих) дней года.

Государственные праздники – официально установленные выходные праздничные дни. В современной России перечень государственных праздников закреплен в ст. 112 Трудового Кодекса РФ (Новый год и Новогодние каникулы, Рождество, День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда, День Победы, День России и День народного единства).

Национальные праздники (дни) – разновидность государственных праздников. Как правило, у каждого государства один национальный праздник, он связан со становлением государственности и суверенитета страны или нации. Примерами могут служить День независимости США (4 июля) или День взятия Бастилии во Франции (14 июля).

²⁶ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. М., 2010. №2. С. 92.

Российское законодательство в области праздников помимо официально установленных нерабочих дней (государственных праздников) выделяет дополнительные типы праздников: *дни воинской славы и памятные даты России* (регламентируются ФЗ от 13 марта 1995 года №32 «О днях воинской славы и памятных датах России» и поправками к нему), *памятные дни* (устанавливаются указами президента) и *профессиональные праздники* (регламентируются указами президента).

Политический актор – лицо или общественная группа, воздействующие на процесс принятия и осуществления решений в данной политической системе²⁷. Политический актор обладает теми или иными политическими ресурсами. К числу политических акторов принято относить государство, политические партии, общественные организации, группы интересов, а также отдельных граждан, оказывающих своими действиями непосредственное влияние на политические процессы.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В диссертационном исследовании автор стремится проанализировать взаимосвязь различных элементов государственных праздников (дискурсов и практик празднования). Предложенная теоретическая модель будет применяться при анализе использования государственных праздников различными политическими акторами.

Методологической базой исследования являются положения социального конструктивизма, представленные в работах работы П. Бергера и Т. Лукмана²⁸. С точки зрения авторов трактата о социальном конструировании реальности язык может не только конструировать различные символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни. Исследование также опирается на концепцию структуралистского конструктивизма П. Бурдьё²⁹, в рамках которой детально разработаны понятия «символическая власть» и «символическая борьба». Согласно П. Бурдьё, символическая борьба означает борьбу за формирование общественного сознания, за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать уже существующие. В случае доминирования можно пытаться изменить категории восприятия и оценивания социального мира. Мы соглашались с П. Бурдьё, что самыми удачными стратегиями формирования социальной реальности, используемыми в символической борьбе, являются «те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на

²⁷ 26 основных понятий политического анализа // Полис. М., 1991. № 4,5,6. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/26osn.php>

²⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

²⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207; Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г.

конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего»³⁰.

Таким образом, понимание сути символической политики как деятельности групп, участвующих в конструировании и продвижении собственного видения мира, становится отправной точкой диссертационного исследования.

Особую значимость для настоящей работы представляют теоретические разработки в области символической политики М. Эдельмана³¹, С.П. Поцелуева³², О.Ю. Малиновой³³, Н.М. Мухарямова³⁴, К.В. Киселева³⁵, Д.А. Мисюрова³⁶.

Методы и эмпирическая база исследования. В качестве основного метода в исследовании был выбран традиционный (качественный) анализ текста. Он позволяет оценить политический и исторический контекст; обращаясь к текстам поздравительных обращений, выявить основные позиции разных политических сил, образы, нарративы, смыслы и символы, которые циркулируют в публичном пространстве, а также на материале СМИ зафиксировать другие практики празднования.

В исследовании также использован метод сравнения, позволяющий изучить сходства и различия интерпретаций и форм празднования различными политическими акторами.

В качестве материалов для исследования использовались нормативно-правовые акты (положения, указы, законы об утверждении государственных праздников и порядка проведения праздничных мероприятий), стенограммы официальных поздравительных выступлений по случаю празднования той или иной даты, стенограммы заседаний Государственной думы, материалы сайтов политических партий и общественных объединений, интервью и газетные публикации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

³⁰Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. С. 198.

³¹ Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964; Edelman M. Politics as symbolic action. Chicago : Markham Pub., 1971.

³² Поцелуев С.П. Символическая политика: конstellации понятий для подхода к проблеме // Полис. М., 1999. № 5. С. 62–75; Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика. М., 2012. Вып. 1. С. 17-53.

³³ Малинова О.Ю. Символическая политика: Контурь проблемного поля // Символическая политика. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5-16; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. М., 2013; Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование политической макроидентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м // Материалы V Всероссийского конгресса политологов: Изменения в политике – политика изменений: стратегии, институты, акторы, Москва, 20-22 ноября 2009 г. Доклады у участников конгресса. М.: ИНИОН, 2009. 1CD-ROM.

³⁴ Мухарямов Н.М. О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика. М., 2012. Вып. 1. С. 54-74.

³⁵ Киселев К.В. Выборы и символическая политика в Российской Федерации // Муниципальная служба. Екатеринбург, 2005. №3. С. 47-53; Киселев К.В. Символическая политика: власть vs общество. Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006.

³⁶ Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. М., 1999. №1. С. 168-185.

1. Предложена и апробирована теоретическая модель *государственного праздника*. Данная модель предполагает комплексный анализ всех составляющих государственного праздника.
2. Определены функции и роль государственных праздников как инструментов символической политики.
3. Выделены этапы трансформации государственных праздников в современной России.
4. Выявлены и проанализированы основные образы, символы, нарративы, смыслы и формы празднования государственных праздников различными политическими акторами в современной России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение государственных праздников как инструментов символической политики и одновременно как нестабильных символов позволяет лучше понять их структуру и выявить адаптивные возможности их отдельных элементов. В отличие от других («стабильных») символов (флага, гимна и т.д.), которые воспроизводятся в единственном установленном варианте, государственные праздники могут изменять нарративы, формы и практики празднования.
2. Роль государственных праздников в символической политике определяется их функциями, к числу которых можно отнести легитимацию политического режима, формирование и поддержание национальной идентичности, конструирование «значимого Другого», воспитание и социализацию, коммуникацию, планирование будущего.
3. Изучение государственных праздников предполагает анализ их вербальных и невербальных компонентов. Модель государственного праздника, разработанная в настоящем диссертационном исследовании, предполагает выделение идеи праздника, ценностей, с которыми он связан, нарратива или мифа, а также форм празднования – ритуала, церемонии или обряда. Каждый из этих элементов обладает потенциалом к изменениям, что делает государственный праздник удобным инструментом символической политики.
4. Символическая политика в области государственных праздников является частью политического курса, проводимого государством. На основании этого, используя подход О.Ю. Малиновой к периодизации этапов символической политики в современной России, можно выделить четыре этапа трансформации государственных праздников:
 - 1990-1994 – отрицание тоталитарного прошлого и первые попытки приспособления советских праздников;
 - 1995-1999 – призыв к разработке новой «национальной идеи», поиск государственной идеологии и работа над наполнением новыми смыслами советских праздников;

- 2000-2011 – переход от нарратива «новой России» к «тысячелетней истории», избирательное отношение к прошлому и реформа российского праздничного календаря;
 - 2012 - н.в. – новая постановка вопроса о коллективной идентичности и более целенаправленное использование некоторых государственных праздников.
5. Ныне отмечаемые в качестве официальных нерабочих дней советские праздники потеряли идеологическое наполнение и дидактическую функцию, которую они выполняли до распада Советского Союза, и в целом изменили свой характер. Однако именно они, в первую очередь, составляют основной символический багаж современной власти, которая избирательно подходит к их использованию. Главная функция этой группы праздников – «укрепление государства», поддержание образа «великой державы». С этой точки зрения вполне обоснованным можно считать закрепление статуса официального государственного праздника за Днем защитника Отечества. Нынешняя власть переняла советскую традицию поздравления с Новым годом, закрепив использование новогоднего обращения для подведения итогов и формулирования задач на будущее. Существенно дополнены практики празднования 9 Мая, расширен символический репертуар темы Победы за счет появления новых смыслов. Остальные праздники (1 Мая, 8 Марта) в большей степени остаются не задействованными властью.
 6. Наиболее острая борьба развернулась вокруг группы новых государственных праздников. Предложенные властью мифы и нарративы плохо воспринимаются другими политическими акторами и обществом. Следствием этого являются неоднозначное отношение ко Дню России и противоречия вокруг празднования Дня народного единства.
 7. Предвыборные кампании и протестное движение 2011-2012 гг. открыли для оппозиционно настроенных политических сил новые возможности использования государственных праздников. В условиях отсутствия организационных и интеллектуальных ресурсов по производству конкурентоспособных смыслов и нарративов государственных праздников дополнительные нерабочие дни стали площадкой для агрегации политических интересов и средством для проведения совместных акций. Тем самым эти силы получили возможность влиять на политическую повестку дня.
 8. События на Украине, присоединение Крыма и обострение отношений с Западом в 2014 г., в сочетании с запросом на архетип «супердержавы», побудили российское общество сплотиться перед лицом «внешней угрозы». Все эти обстоятельства по-новому поставили вопрос о российской, русской идентичности и так называемом «Русском мире», что, в конечном счете, отразилось на использовании государственных праздников и, в первую очередь, Дня народного

единства. Праздник послужил удобным инструментом демонстрации достижений режима на фоне постепенного снижения доверия к «Русским маршам», претендующим на радикальную трактовку идеи праздника.

Теоретическая значимость. Исследование может способствовать расширению теоретико-методологической базы политологических исследований. Его значимость также заключается в разработке авторской операционализации понятия «государственный праздник», которая позволяет выделить составляющие исследуемого предмета и использовать их при анализе практик празднования.

Практическая значимость. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы в деятельности различных органов власти, занимающихся конструированием национальной идентичности, аналитическими структурами и политическими партиями для разработки стратегий развития государства, а также при написании ими текстов выступлений и поздравительных речей.

Выводы и материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов «Политическая социология», «Политические идеологии», «Политическое лидерство», «Символическая политика», «Язык политики».

Апробация диссертационной работы. Диссертация обсуждалась на заседании Отдела политической науки ИНИОН РАН и была рекомендована к защите. Основные положения работы сформулированы в ряде научных публикаций (в том числе три статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК) общим объемом 6,1 п. л.

Отдельные положения и выводы исследования были представлены автором на всероссийских и международных конференциях, семинарах и научных школах: Летняя школа «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук» (Новороссийск, пос. Абрау-Дюрсо, 1-8 сентября 2010 г.); Южно-Российский Политологический конвент (Ростов-на-Дону, 18-22 октября 2010 г.); Международная научная конференция «Изменение России: политические повестки и стратегии» (Москва, 25-26 ноября 2010 г.); IV, V, VI Всероссийские ассамблеи молодых политологов (Пермь, 2011, 2012, 2013 гг.); Летняя школа «Политическая концептология: концепты власти и бюрократии» (Новороссийск, пос. Абрау-Дюрсо, 5-11 сентября 2011 г.); II Южно-Российский Политологический конвент (Ростов-на-Дону, 10-14 октября 2011 г.); X Международная научная конференция студентов и аспирантов «Социология в (пост)современности» (Харьков, 22-24 марта 2012 г.); VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия» (Москва, 22-24 ноября 2012 г.); IV Всероссийская молодежная конференция «Накануне белых ночей» (Санкт-Петербург, 24-25 мая 2013 г.); Международная исследовательская мастерская «Сравнительный метод в истории и социальных науках: перспективы

междисциплинарности» (Пермь, 28 сентября – 1 октября 2013 г.); Всероссийская молодежная научно-практическая летняя школа «Территориальная идентичность в современном мире: проблемы и перспективы исследования» (Пермь, Усолье, 25-28 августа 2014 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы» (Москва, 21-22 ноября 2014 г.).

Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

II. Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются научная проблема и исследовательский вопрос, объект и предмет, цель и задачи исследования, анализируется степень научной разработанности темы, определяются методологические основания исследования, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются понятийный аппарат исследования, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические и методологические основания изучения государственных праздников в качестве инструментов символической политики» посвящена обзору теоретических рамок и инструментов анализа исследования.

В **первом параграфе «Основные подходы к концептуализации символической политики»** рассматриваются основные традиции понимания символа и его особенности. Автор обращается к исследованиям Ч. Пирса, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского и др. В параграфе также уделяется внимание альтернативным (постмодернистским) теориям (Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и др.), которые рассматривают символы как иллюзорные, замещающие реальность модели, симулякры. Показывается, что разные подходы и возможности понимания символов задают различные интерпретации сути символических явлений.

Непосредственно интерес к исследованию символизма в политике связан с появлением в 1960-1970 годах работ М. Эдельмана. Он разработал собственную концепцию символического использования политики и политики как символического действия, на которой в настоящее время основывается понимание политической коммуникации. Подход к изучению политических актов М. Эдельмана пробудил интерес исследователей к символическому измерению политики. В работах немецких исследователей, заявлявших о преемственности с концепцией М. Эдельмана (Т. Мейер, А. Дернер, У. Сарцинелли), символическая политика рассматривается как самостоятельная действительность, оторванная от реальных решений. Среди отечественных политологов данной традиции в ранних работах придерживался С.П. Поцелуев, разработавший более систематическую концепцию символической политики.

Интерес к исследованию символических аспектов российской политической реальности возник на фоне изучения электоральных процессов на рубеже 2000-х гг. (К. Киселев). Можно выделить исследования Д. Мисюрова, которые претендуют на формулирование оригинального подхода к символической политике.

В настоящем исследовании используется подход О.Ю. Малиновой, опирающейся на концепцию «символической власти» П. Бурдьё. Подход О.Ю. Малиновой позволяет не концентрироваться исключительно на действиях политической элиты (*policy*), механизмах учреждения государственных праздников и легитимации политического режима, а включать в поле исследования других политических акторов и искать новые измерения политики (*politics*) – конкуренцию за смыслы и другие формы и механизмы закрепления в социальной памяти.

Во втором параграфе «Место и роль государственных праздников в символической политике» приводится обзор подходов к изучению праздников в отечественной и зарубежной этнографии, социологии и культурологии. В параграфе анализируются возможности отдельных подходов к изучению феномена праздника в политической науке (теория «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума, теория социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, теория структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, теория социальной структуризации Э. Гидденса). Их объединяет ориентация на социальное конструирование реальности, базовая посылка которой – это коллективная деятельность по производству смыслов. Праздники, таким образом, могут рассматриваться как «изобретенные традиции», практики, институты, способы структурирования коллективных поведений, символический конструкт и т.д. Данные подходы раскрывают различные стороны многообразного феномена, возможности его институционализации и эффективности.

Для выявления причин институционализации и трансформации праздников автор обращается к опыту исследования национальных праздников как *нестабильных символов*³⁷. Такой подход дает возможность комбинировать разные понимания и использовать категорию *нестабильных символов* при более широком исследовании роли праздников и их функций в символической политике.

В работе показывается, что помимо присущих всем праздникам функций коммуникации, социализации и воспитания, государственные праздники также обладают другими специфическими функциями (легитимация / делегитимация существующего режима, социализация, формирование коллективной идентичности, планирование будущего и др.). Они могут рассматриваться в контексте как *symbolic policy* (политического курса), так и *symbolic politics* (конкуренции идей).

В третьем параграфе «Государственные праздники как «нестабильные символы»: элементы, практики, свойства» анализируются

³⁷См.: National day's: Constructing and mobilizing national identity. N.Y.,2009.

«внутренние» возможности государственных праздников как инструментов символической политики и собственно символического конструкта. Государственные праздники хотя и воспринимаются как единое целое, но состоят из ряда элементов, которые представляют собой набор символических форм: это идеи, выраженные в публичной риторике, а также символические действия, ритуалы, обряды и церемонии. Теория структуралистского конструктивизма П. Бурдьё позволяет говорить о них как о практиках. Они учитывают прошлый опыт индивидов и обладают изменчивостью. Обращение к практикам позволяет достичь методологического компромисса, поскольку они подчеркивают активную роль акторов в воспроизводстве и соотносят их действия с объективными возможностями.

Условно все элементы государственных праздников в зависимости от способа воспроизводства можно разделить на вербальные и невербальные практики.

Далее в параграфе обосновывается, что вербальные элементы праздника в целом можно определить как *идеологию*. Под *идеологией* государственных праздников в данном исследовании понимается, прежде всего, *система ценностных представлений и установок, задающих модели интерпретации прошлого и настоящего, которые воспроизводятся посредством дискурсивных практик*. Данное определение, с одной стороны, позволяет сосредоточиться на идейной составляющей государственных праздников, а с другой – открывает возможности для установления связей и отношений между идеями и установками разных политических акторов.

Идеология праздника может быть выражена в виде нарратива или мифа. Под *нарративом праздника* понимается совокупность высказываний, текстов, сконцентрированных вокруг праздничного события. Нарратив праздника в той или иной степени соотносится с национальным нарративом (метанарративом). Он разворачивается вокруг исторического события в прошлом, имеющего общенациональное значение, будь то достижения или конфликты; имеет много повествователей, разнообразие историй, вариативную разножанровую форму. *Миф праздника* – это, в первую очередь, сконструированная история о происхождении праздника, принимающая особую форму выражения. Задача мифа – сформировать представление, заставить верить в идею праздника, констатировать, не пытаясь ее объяснить, т.е. сделать так, чтобы она стала самоочевидной.

Невербальные элементы праздника (ритуал, обряд, церемония) обозначены как *формы празднования*.

Применение в диссертационном исследовании предложенной модели позволяет в совокупности объяснить трансформацию государственных праздников и особенностей их использования разными политическими акторами.

Вторая глава «Современные российские государственные праздники как предмет символической борьбы: акторы, идеологические интерпретации, формы празднования» посвящена анализу практик

использования государственных праздников в символической политике современной России.

В первом параграфе главы «Этапы становления и трансформации государственных праздников в современной России» показана эволюция символической политики государства в отношении праздников (symbolic policy). В параграфе уделено внимание политическому контексту, в котором формировались праздники, а также обозначены основные тенденции их использования. За основу этапов трансформации была выбрана предложенная О.Ю. Малиновой периодизация символической политики.

Первый этап (1991-1994 гг.) был связан с оправданием курса на радикальную трансформацию политического порядка, что проявлялось в отказе от ряда советских символов и праздников. Был отменен День Конституции СССР, осуществлялись первые попытки трансформации главного государственного праздника СССР – Великой Октябрьской социалистической революции, были учреждены новые праздники в России (День принятия декларации о государственном суверенитете, День Конституции). В целом поиск новых оснований идентичности происходил в условиях формирования политического дизайна нового государства и продолжающегося противостояния между президентом и парламентом.

На втором этапе (1995-1999 гг.) изменения были связаны с поиском новых ракурсов интерпретации Победы в Великой Отечественной войне (50-летие годовщины праздновалось в 1995 г.), переименованием годовщины Великой Октябрьской революции, которая являлась ключевым элементом советского метанарратива, в День согласия и примирения. Одновременно с этим проходил поиск новой национальной идеи, в контексте чего Б.Н. Ельцин переименовал 12 июня в День России, обозначив тем самым главный праздник. Однако изменения названия праздника вступили в силу только в 2002 году.

Стержнем нового этапа символической политики (2000-2011 гг.) стала идея президента В.В. Путина создать образ сильного государства при избирательном отношении к прошлому. Именно в этот период произошли серьезные изменения в российской политике в области праздников, которые обозначили наиболее удобные практики и смыслы празднования. Так, празднование 60-летия Победы (2005 г.) стало одним из центральных событий в истории страны. Вместе с тем серьезные изменения коснулись уже существующих праздников. Так, окончательно статуса государственного праздника лишился день 7 ноября. Ему «на замену» был изобретен День народного единства. Тогда же потерял статус официального выходного День Конституции, которая сама должна была бы стать символом нового государства.

В исследовании показывается, что с 2012 г. произошли изменения в курсе символической политики, акцентировавшие внимание на национальной идентичности. Это связано с консервативным поворотом в дискурсе власти, а также ухудшением отношений с Западом. Были отмечены направления, по которым в дальнейшем вполне вероятно трансформация смыслового

содержания государственных праздников. В первую очередь, изменения обозначились вокруг Дня народного единства, как самого молодого государственного праздника, так как его идеология соответствует новой стратегии легитимации власти и мобилизации поддержки.

Далее во втором параграфе **«Борьба за интерпретации советских государственных праздников и практики их использования (2005 – 2014 гг.)»** прослеживается, каким образом различные политические акторы используют доставшиеся в наследство от СССР праздники. Государство шло по пути вытеснения советского идеологического содержания этой группы праздников, частично сохраняя и развивая практики празднования.

Демонстрируется, что именно советская группа праздников продолжает нести основной идеологический багаж современной власти. Особое место занимают праздники, связанные с героическим подвигом народа – День Победы, День защитника Отечества. В одном случае власть намеренно работала над изменением идеи и нарратива праздника (23 февраля). В другом – использовала коллективную память о Войне. День Победы является фактически единственным праздником, который обладает системой ценностных представлений, позволяющих задавать способ интерпретации прошлого и настоящего в масштабах нации. 9 Мая используется, чтобы подчеркнуть образ «сильного» государства, «великой державы».

Власть осознанно деполитизирует часть советских праздников (1 Мая, 8 Марта), не наделяя их официальными практиками празднования. Это открывает другим политическим акторам возможность участвовать в борьбе за их интерпретацию. Однако далеко не все политические партии готовы предложить новые нарративы праздников. Праздники используются в качестве инструмента доминирования в публичном пространстве («Единая Россия»), а также для демонстрации политических позиций и мобилизации сторонников (ЛДПР, «Справедливая Россия»). Последовательно стратегию открытой конкуренции с нарративами власти выбирает КПРФ, выступающая за сохранение советских нарративов и практик празднования, и непарламентская партия «Яблоко», которая остается чуть ли не единственной внесистемной оппозицией, способной продуцировать и продвигать альтернативные смыслы праздников.

Использование символического потенциала государственных праздников непарламентскими политическими партиями ограничено, так как в целом оппозиция не видит в них ценностей «новой» России. Известны отдельные леворадикальные мероприятия, однако реальных ресурсов для навязывания символической борьбы у таких организаций пока нет.

В третьем параграфе **«Борьба за интерпретации новых государственных праздников и практики их использования (2005 – 2014 гг.)»** определяется, что именно эта группа праздников стала поводом для наиболее активных дискуссий. В параграфе показывается, каким образом властвующая элита конструировала нарративы Дня России и Дня народного

единства, а также как другие политические акторы пытались вмешиваться в символическое производство смыслов этих праздников.

Центральной темой дискуссий вокруг Дня России остается память о распаде Советского Союза и установлении нового режима. Стремления власти обойти противоречивые события 1990-х годов путем коммеморации «тысячелетней истории» не удалось. Праздник выявляет «белые пятна» в формулировании узловых точек национальной идентичности, восполнить которые пока не удастся ни одному из политических акторов. Большинство политических партий подошло к 2005 году без четкого представления об идее Дня России и устоявшихся практик его празднования.

«Единая Россия», заявляющая о преемственности позиции властвующей элиты, оказалась не готова к воспроизводству нарратива «тысячелетней истории» по причине его сложности и абстрактности, поэтому стал использоваться нарратив «новой России», подразумевающий начало новой эпохи. Таким образом, используя его, партия старалась избегать упоминания того, что было до советского прошлого. Однако это существенно сужало понимание национальной идентичности, ограничивая ее только современным этапом. В этой связи поздравительные речи и выступления вплоть до 2012 года либо совсем отсутствовали, либо в них практически не было упоминания о символах праздника.

ЛДПР и «Справедливая Россия» признают, День России хоть и противоречивый, но главный праздник в стране, однако подвергают критике его идею. ЛДПР видит в празднике негативное «ельцинское наследие», тогда как для «Справедливой России» 12 июня остается днем «неразвитого парламентаризма» и «ложных целей». В отличие от других политических акторов, за прошедшие 15 лет КПРФ сформулировала собственный нарратив Дня России как «дня крупнейшей геополитической катастрофы».

Анализ поздравительных выступлений показал, что День народного единства должен был стать связующим звеном при конструировании национальной идентичности, объединив три России: новую, советскую и имперскую. Однако плохо проработанные основания праздника стали поводом для критики практически всех политических акторов. Конкурирующий с официальным нарративом праздника предлагают русские националистические движения, которые в День народного единства ежегодно проводят «Русский марш».

На новом этапе символической политики наряду с темой единства государства и граждан в контексте 4 ноября начали использоваться так называемые «духовные скрепы» как идейная основа национальной идентичности. С президентством В.В. Путина значимость «духовных скреп» стала также подчеркиваться в поздравительных обращениях по случаю Рождества Христова. В них власть видит основу консервативной российской идентичности («Русского мира»), угрозу которой все чаще стали представлять западные ценности. Наиболее заметные эффекты от использования этих категорий видны во внешнеполитической риторике. Декларируемые

консервативные ценности «Русского мира» используются для мобилизации населения в контексте борьбы с внешними угрозами, которые якобы могут нарушить существующий общественный консенсус внутри российского общества.

В **заключении** представлены основные результаты исследования и сделаны выводы о том, как современные российские государственные праздники используются в символической политике различными политическими акторами.

III. Опубликованные научные работы, отражающие основные научные результаты диссертации

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Ефремова В.Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2011. – № 3 (15). – С. 53-65. (0,755 п.л.)
2. Ефремова В.Н. Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. – М., 2013. – №4. – С. 227-236. (0,527 п.л.)
3. Ефремова В.Н. Трансформация официальной символической политики в сфере государственных праздников в современной России // Политическая наука. – М., 2014. – №3. – С. 85-102. (1 п.л.)

Другие научные публикации:

4. Ефремова В.Н. Изобретая праздники заново: российский опыт использования советских государственных праздников в символической политике // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21-22 ноября 2014 г. [Электронное издание]. – М.: РИНЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. – С. 172-174. (0,11 п.л.)
5. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2014. – Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. – С. 66-79. (0,87 п.л.)
6. Ефремова В.Н. Структура идеологии государственных праздников // VI Всероссийская Ассамблея молодых политологов (23–25 апреля, Пермь, 2013 г.): Сб. науч. ст. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – С. 72-74. (0,14 п.л.)
7. Ефремова В.Н. Государственные праздники как предмет символической борьбы // VI Всероссийский конгресс политологов

- «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22-24 ноября 2012 г. – М.: РАПН, 2012. – С. 172-173. (0,125 п.л.)
8. Ефремова В. Н. День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 286-300. (0,86 п.л.)
 9. Ефремова В.Н. Национальные праздники как нестабильные символы национальной идентичности (Рецензия) // Символическая политика. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 308-315. (0,4 п.л.)
 10. Ефремова В.Н. Российские политические партии в борьбе за смыслы и значения новых государственных праздников // Сборник материалов по итогам IV Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (25-26 апреля 2011 г., Пермь); Пермский государственный университет. – Березники: ИД «Типография купца Тарасова», 2012. – С. 18-21. (0,2 п.л.)
 11. Ефремова В.Н. Особенности конструирования дискурса Дня народного единства в российской прессе // Сборник материалов II Южно-Российского политологического конвента (10-14 октября 2011 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Пупыкин Р.А. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2012. – С. 155-162. (0,4 п.л.)
 12. Ефремова В.Н. Государственные праздники в России: к вопросу о национальной идентичности // Соціологія у (пост)сучасності / Збірник тез доповідей X Міжнародної наукової конференції студентів та аспірантів. – Харків, 2012 р. – С. 59-61. (0,153 п.л.)
 13. Ефремова В.Н. Гендерные праздники как инструмент формирования идентичности // Сборник материалов Южно-Российского Политологического Конвента (г. Ростов-на-Дону, 18-22 октября 2010г.) / Отв. ред. к.п.н., доцент Р.А. Пупыкин. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. – С. 57-61. (0,265 п.л.)
 14. Ефремова В.Н. Новые государственный праздники в России как инструмент символической политики (Тезисы) // Изменения России: политические повестки и стратегии. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 25-26 ноября 2010 г. – М.: РАПН, 2010. – С. 81-82. (0,115 п.л.)
 15. Ефремова В.Н. Этапы трансформации символической политики государственных праздников в современной России // Сборник материалов по итогам V Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (23-24 апреля 2012 года, Пермь); Пермский государственный университет. – Березники: ИД «Типография купца Тарасова», 2013. – С. 150-153. (0,178 п.л.)